

ГЕНРИХ

БЁЛЛЛЬ

*ГДЕ ТЫ БЫЛ,
АДАМ?*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Генрих Бёлль
Где ты был, Адам?

«Издательство АСТ»

1951

УДК 821.111-31
ББК 84(4Гем)-44

Бёлль Г.

Где ты был, Адам? / Г. Бёлль — «Издательство АСТ»,
1951 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-153505-6

«Где ты был, Адам?» – «В окопах, Господи, на войне»... Знаковый антифашистский роман, превративший молодого автора, прошедшего Вторую мировую, в литературного классика XX века. 1945 год. Война, начатая Германией, вернулась на ее территорию. Рвутся снаряды, падают бомбы на города и деревни. А измученные люди, очнувшись от чудовищной лжи гитлеровской пропаганды, пытаются выжить... Девять глав-историй о людях, угодивших в жернова войны, о человеческом страдании и любви, надежде и безнадежности, жизни и смерти.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-153505-6

© Бёлль Г., 1951

© Издательство АСТ, 1951

Содержание

I	6
II	12
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Генрих Бёлль

Где ты был, Адам?

И всемирная бойня может задним числом пригодиться. Скажем, для того, чтобы доказать свое алиби перед лицом Всевышнего. «Где ты был, Адам?» – «В окопах, Господи, на войне...»

*Теодор Хеккер «Дневники и ночные раздумья»
31 марта 1940 г.*

Мне случалось переживать подлинные приключения. Я прокладывал новые авиатрассы, первым перелетел через Сахару, летал над джунглями Южной Америки...

Но война – это не подвиг, а лишь его дешевый суррогат.

Война – это болезнь, эпидемия, вроде сыпняка...

Антуан де Сент-Экзюпери «Полет в Аррас»

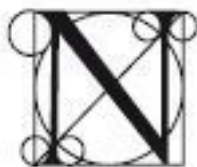
Серия «Эксклюзивная классика»

Heinrich Böll
WO WARST DU, ADAM?

*Originally published in the German language as “Wo warst du, Adam?” by Heinrich Böll
First published in 1951*

Перевод с немецкого Н. Португалова, М. Гимпелевич

Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG.

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG,
Cologne / Germany, 1954, 1989

© Перевод. Н. Португалов, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

I

Сперва перед ними проплыло лицо генерала – усталое, желтое, скорбное лицо с крупными чертами. Высоко подняв голову, генерал торопливо шагал вдоль рядов, и каждый из тысячи выстроенных перед ним солдат видел синие мешки под его глазами, залитыми малярной желтизной, и бескровный тонкогубый рот неудачника. Генерал выглядел усталым. Он начал обход с правого фланга пропыленного полукаре. Он тоскливо вглядывался в солдатские лица и повороты делал нечетко, не срезая углы. Все заметили сразу: на груди орденов у него хватало – золото и серебро слепило глаза; а вот на шее, под воротником, никакого ордена не было. И хотя солдаты отлично знали, что крест на генеральской шее немногого стоит, их все же удручало, что генерал его не удостоился. Тощая, желтая генеральская шея без орденского креста невольно наводила на мысли о проигранных сражениях, неудачных отходах, о смещенных начальниках штаба, об иронических телефонных разговорах, о нагонях и тех обидных, язвительных словечках, которыми обмениваются высшие чины; и можно было представить себе, как этот усталый, изможденный старик по вечерам, сняв мундир, сидит в нижнем белье на краю своей койки, поджимает худые ноги и, трясаясь в малярном ознобе, глотает водку. Все девятьсот девяносто девять человек – по триста тридцать три с каждой стороны незамкнутого каре – испытывали под его взглядом странное чувство: какую-то смесь жалости, тоски, страха и затаенного гнева. Гнев вызывала эта война, которая тянется слишком уж долго, так долго, что генералы просто права не имеют расхаживать без высшего ордена на шее. Генерал шел, не отрывая руки от козырька своей поношенной фуражки, – руку у козырька он, правда, держал твердо. Дойдя до левого фланга, он сделал поворот, на сей раз более резкий, двинулся вдоль незамкнутого фронта полукаре и остановился точно на середине. И тут же стайка офицеров рассыпалась за его спиной – на первый взгляд как попало, но на самом деле каждый занял четко определенное ему место, и всем было неловко за генерала, не заслужившего даже креста на шею, тем более что у некоторых офицеров его свиты такие кресты поблескивали на солнце.

Генерал хотел было что-то сказать, но вместо этого резко козырнул и повернулся так неожиданно, что офицеры, стоявшие позади него, шарахнулись в стороны, освобождая ему дорогу. И все видели, как сухонький старичок влез в свою машину, офицеры снова взяли под козырек, и вскоре на дороге осталось лишь крутящееся светлое облако пыли, показывая, что генерал укатил на запад, туда, где предзакатное солнце уже низко нависло над плоскими белыми крышами, туда, где не было фронта.

Потом их разделили на три колонны, по триста тридцать три человека в каждой; они зашагали на другой конец города, к его южной окраине, прошли мимо фешенебельных, но запущенных кафе, мимо кинотеатров и церквей, через бедняцкие кварталы, где у дверей валялись в пыли собаки и куры, из окон выглядывали неопрятные пышногрудые красотки, а из грязных пивных доносились пьяные песни; заунывная, однотонная мелодия брала за душу. С какой-то неправдоподобной быстротой проносились мимо трамваи. Под конец солдаты снова вышли на тихую, опрятную улицу, застроенную особняками, утопавшими в зелени садов. У каменных ворот стояли армейские грузовики; солдаты прошли сквозь ворота и очутились в нарядном парке. Здесь их снова выстроили в полукаре – но на этот раз их было лишь три шеренги по сто одиннадцать человек.

Солдаты составили винтовки в пирамиды, сложили в тылу каре вещевые мешки, и когда они снова застыли по стойке «смирно», изнемогая от голода и жажды и проклиная про себя опостылевшую войну, перед ними поплыло новое начальственное лицо: узкое, холеное, породистое. Вдоль рядов шагал бледный поджарый полковник с холодным, твердым взглядом и плотно сжатыми губами под длинным носом. Само собой разумелось, что подобные физиономии немислимы без креста на шее. Но и это лицо не внушало солдатам доверия. Полковник

шел медленно, печатая шаг, четко срезая углы на поворотах, впиваясь взглядом в каждого. Закончив обход, он в сопровождении небольшой группы офицеров двинулся к центру каре, и солдаты тотчас же поняли, что дело тут без напутствия не обойдется, и все сразу вспомнили о том, что им давно уже хочется пить, хочется есть, спать и курить.

– Солдаты, соратники! – прозвенел в тишине резкий голос полковника. – Не буду тратить слов попусту. Надо вышвырнуть отсюда этих вислоухих, загнать их назад, в степи. Ясно?

Полковник умолк. Воцарилась гнетущая, смертная тишина, и солдаты увидели, что багровый диск солнца повис уже над самым горизонтом. Орденский крест на шее полковника поглощал кровавые лучи, его сверкающие планки, казалось, вобрали в себя весь закат. И тут только солдаты заметили, что крест у полковника был особенный – с дубовыми листьями, которые они между собой называли «ботвой». Сомнений не было, на шее полковника красовалась «ботва».

– Ясно? – выкрикнул полковник, и голос его сорвался.

– Так точно, – взвроб откликнулось несколько голосов – хриплых, усталых и безразличных.

– Ясно, спрашиваю? – снова выкрикнул полковник и дал такого петуха, что его голос и впрямь рванулся ввысь, словно рехнувшийся петух, который захотел вдруг склонуть звезду.

– Так точно, – вновь откликнулись ряды; теперь голосов стало больше, но кричали они так же хрипло, устало и равнодушно. Слова этого человека не в силах были утолить их жажду, притупить голод, заглушить тоску курильщиков по табаку.

Полковник гневно рассек воздух стеклом и, пробормотав нечто похожее на «скоты», быстро пошел прочь. За ним вышагивал адъютант, непомерно долговязый, совсем еще юный обер-лейтенант, такой долговязый и такой юный, что солдатам невольно стало жаль его.

Солнце все еще стояло в небе прямо над домами – казалось, по плоским белым крышам катится докрасна накаленное железное яйцо, и когда солдат снова повели куда-то, над ними простиралось тусклое, выгоревшее, почти бесцветное небо; чахлая листва бессильно свисала с придорожных деревьев. Теперь они шли прямо на восток – по булыжной мостовой городской окраины, мимо убогих домишек и лавок старьевщиков, мимо обшарпанных многоэтажных корпусов, неведомо как затесавшихся сюда. Потом потянулись свалки, пустыри, огороды – перезревшие дыни догнивали на грядках, тугие сочные помидоры гроздьями висели на кустах. Все здесь было чужое, непривычное, – и несуразно большие кусты помидоров, и толстобокие початки кукурузы, которую клевали стаи черных птиц, они взлетали, когда мимо проходили солдаты; но, покружив в воздухе, тучей опускались на поле и снова принимались клевать желтые зерна.

Теперь солдат осталось всего сто пять человек. Они шли колонной по три, смертельно усталые, пропыленные, с потными лицами и сбитыми в кровь ногами, впереди шагал обер-лейтенант, на лице которого было написано глубочайшее отвращение ко всему. Солдаты сразу раскусили его. Принимая команду, обер-лейтенант лишь мельком взглянул на них, но люди, несмотря на усталость и жажду, жгучую жажду, прочли в его глазах, что он хочет сказать: «Дерьмо все это, но что поделаешь!»

И тут же они услышали его голос – с наигранным безразличием он сказал: «Пошли!» – просто «пошли» – без обычных строевых команд.

Их привели к грязному зданию школы. На школьном дворе среди чахлах, полусохших деревьев стояли черные зловонные лужи, над которыми роились жирные мухи, должно быть, лужи месяцами не просыхали – они тянулись через весь двор от булыжной мостовой до исчерканной мелом дощатой уборной, откуда несло зловонием невыносимым и мерзким.

– Стой, – бросил обер-лейтенант и направился к дверям школы упругой и в то же время разболтанной походкой человека, которому все опостылело до предела.

Здесь их не строили в каре, а вышедший к ним капитан даже не взял под козырек. Он был в мундире без ремня, жевал травинку, и его круглое чернобровое лицо выглядело добродушным. Остановившись перед строем, он лишь кивнул головой, неопределенно хмыкнул и сказал: «Времени у нас в обрез, ребята. Не до отдыха. Фельдфебель разведет вас по ротам».

Но солдаты, глядевшие мимо круглолицего капитана, успели заметить и бронетранспортеры в глубине двора, и вещевые мешки на грязных подоконниках школы – аккуратные квадраты защитного цвета, и рядом с каждым из них – все что положено – ремень, подсумок, лопатка и противогаз.

Со двора они вновь вышли колонной по три, и осталось их всего двадцать четыре человека; они снова прошли вдоль знакомого уже кукурузного поля, но, дойдя до уродливых многоэтажных корпусов, опять свернули на восток и остановились в редкой рощице, среди которой были разбросаны одноэтажные домики, коттеджи с плоскими крышами и широкими застекленными верандами, какие строят в поселках художников.

В садиках стояли плетеные кресла. Когда солдаты повернули по команде кругом, они увидели, что солнце уже скрылось за крышами домов, – багровое зарево медленно расползлось по всему небосводу, окрашивая его в алый цвет – цвет грубо намалеванной крови. Восток у них за спиной уже подернулся сумеречной дымкой.

У домов в тени деревьев сидели солдаты. Вдалеке виднелись ружейные пирамиды – их было не меньше десятка. Пришедшие сразу заметили, что их теперешние однополчане были в полном боевом снаряжении, – отблески заката играли на касках, пристегнутых к поясным ремням.

Обер-лейтенант, появившийся на пороге одного из домиков, и не подумал обходить строй. Он просто подошел к ним, остановился, и солдаты увидели, что у него был один-единственный орден, даже не орден – так, пустячная медаль – штампованный кружок из вороненой жести, свидетельство о том, что его обладателю посчастливилось пролить кровь за отечество. Лицо у офицера было усталое и грустное. Он посмотрел на солдат, сначала на их ордена и ленточки, потом на лица, произнес: «Прекрасно», – и, помолчав немного, взглянул на часы и добавил:

– Устали, ребята, знаю, но ничего не поделаешь – выступаем через четверть часа. – Затем он обратился к стоявшему рядом унтер-офицеру: – Составлять список нет смысла. Соберете солдатские книжки и перешлете их в штаб. Да побыстрее разводите людей по взводам, чтобы успели напиться. – И, вновь повернувшись к солдатам, обер-лейтенант громко сказал: – Фляги налить не забудьте!

Физиономия унтера была недовольная, спесивая, а орденов у него на груди было в четыре раза больше, чем у обер-лейтенанта. Он только кивнул в ответ и рявкнул:

– Сдать солдатские книжки!

Положив стопку солдатских книжек на колченогий столик под деревом, унтер-офицер начал распределять людей по взводам. Пока он рассчитывал их и разбивал на группы, все они думали об одном и том же. Да, они устали в дороге, будь она трижды проклята, но это бы еще полбеды. И генерал, и полковник, и капитан, и даже обер-лейтенант – все они останутся позади – и плевать на них. Но вот этому пижону-унтеру, лихо отдающему честь и шелкающему каблуками, словно и не было четырех лет войны, и этому мордастому фельдфебелю с бычьим загривком, который, подойдя откуда-то сбоку, щелчком отбросил недокурную сигарету и затянул потуже ремень, – этому начальству солдат выдан с головой – до той минуты, пока не попадет в плен, не будет ранен или убит.

И вот из тысячи солдат остался один – последний. Он стоял перед унтер-офицером, растерянно озираясь, ибо рядом с ним больше не было привычных соседей – ни спереди, ни сзади, ни сбоку. Взглянув еще раз на унтера, солдат вспомнил вдруг, что он хочет пить, пить, а от пятнадцатиминутного привала осталось самое большее минут семь-восемь.

Унтер взял со стола последнюю солдатскую книжку, перелистал ее, поднял глаза на стоявшего перед ним солдата и спросил:

– Ваша фамилия Файнхальс?

– Так точно.

– До войны были архитектором и умеете чертить?

– Так точно.

– Оставьте его при себе, господин обер-лейтенант. Пригодится.

– Прекрасно, – произнес обер-лейтенант, не отрывая взгляда от дальней панорамы города, и Файнхальс тоже посмотрел в ту сторону и сразу понял, почему ротный глядит туда как зачарованный. Там, вдалеке, солнце опустилось прямо на улицу и, словно сплющенное свещающееся яблоко, лежало в пыли между убогими домишками на окраине румынского городка – оно все больше тускнело, словно заплывая собственной тенью.

– Прекрасно, – повторил офицер, и Файнхальс так и не узнал, относилось ли это к солнцу или было обычным присловьем обер-лейтенанта. Сам Файнхальс в этот миг думал о том, что вот уже четыре года, как он воюет, четыре года, а в повестке, полученной им когда-то, говорилось лишь о военных сборах. Он и поехал на сборы, но тут внезапно началась война.

– Идите пейте, – сказал унтер, и Файнхальс ринулся туда, куда давно уже побежали остальные. Воду он нашел сразу – между тонкими стволами сосенок торчала заржавевшая колонка со свернутым краном. Струя воды, вытекавшая из него, была не толще мизинца, да вдобавок у колонки сгрудилось человек десять и каждый, нещадно ругаясь, старался отпихнуть в сторону котелок соседа.

При виде льющейся воды Файнхальс чуть не обезумел. Мозг сверлило только одно слово – «вода». Он выхватил котелок из вещевого мешка и, ощутив вдруг необычайный прилив сил, протолкался к крану. Ему удалось втиснуть котелок между другими, и вскоре он уже не мог распознать его среди десятка металлических ячеек, безостановочно перемещавшихся под струей воды. Но, посмотрев вдоль своей руки, он заметил, что эмаль на его котелке темней, чем у других. Резким движением он толкнул его вперед и с жадной дрожью ощутил, что котелок тяжелеет. Файнхальс так и не успел решить, что приятней: пить или чувствовать, как наполняется водой котелок в его руке. Вдруг рука его дрогнула, слабость растеклась по жилам; Файнхальс поспешно потянул к себе котелок и сел на землю, хотя за спиной у него раздались голоса: «Строиться! Становись!» Не в силах поднести котелок ко рту, он зажал его между коленями, склонился над ним, словно пес над миской, потом слегка подтолкнул доньшко – котелок чуть накренился, и вода коснулась наконец его потрескавшихся губ. И когда он почувствовал на губах воду и стал судорожно пить, перед глазами его вспыхнули, заплясали, переливаясь всеми цветами радуги, буквы: вода, во-да-во-да-во... Словно в бреду, он ясно видел перед собой это слово. Руки его вновь окрепли, он поднес котелок ко рту и осушил до дна. Кто-то на бегу схватил его за плечо, рванул с земли и подтолкнул вперед. Еще издалека Файнхальс увидел, что рота уже построена, и услышал голос обер-лейтенанта: «Вперед, шагом марш». Вскинув на плечо винтовку, он по знаку унтер-офицера встал на свое место в одном из первых рядов.

Они зашагали вперед, в темноту, и Файнхальс поневоле двигался вместе со всеми, хотя охотнее всего он растянулся бы на земле, но, казалось, собственная тяжесть заставляла его сгибать попеременно колени, и его натруженные, сбитые в кровь ноги послушно шли вперед, волоча за собой непомерно тяжелые, многопудовые комья боли; ноги переступали одна за другой, а вслед за ними приходило в движение и все тело – зад, плечи, руки, голова, и снова тело обваливалось, оседало на ноги, и те снова подгибались в коленях и шли вперед...

Часа три спустя, совершенно обессилев, он лежал где-то в выгоревшей степной траве и тупо смотрел вслед человеку, уползавшему в серую мглу: этот человек только что передал ему два просаленных бумажных кулька, краюху хлеба, пакетик леденцов, шесть сигарет и сказал:

– Пароль знаешь?

– Нет.

– «Победа», пароль – «победа».

«Пароль – «победа»», – шепотом повторил Файнхальс, и это слово растеклось по языку, словно тепловатая затхлая вода.

Он сорвал обертку с леденцов и сунул один из них в рот. Кисловато-сладкая слюна с аптечным привкусом сразу заполнила рот. С усилением сглотнув волну сладковатой горечи, Файнхальс внезапно услышал вой пролетающих над ним снарядов: уже несколько часов подряд снаряды рвались далеко впереди, но на этот раз они пролетели над головами солдат, тяжело шлепая по воздуху, словно плохо заколоченные ящики, и разорвались где-то позади. Следующий залп пошел недолетом: впереди, совсем близко, взметнулись высокие грибовидные фонтаны песка и стали медленно оседать, расплываясь на фоне светлеющего на востоке неба. Файнхальс еще успел подумать, что теперь перед ними на востоке посветлело, а мрак остался за спиной; третьего залпа он не услышал, казалось лишь, что совсем рядом, до ужаса близко, кто-то с силой бьет молотком по фанере, с треском раскалывая ее в щепы. Пыль и пороховой дым стлались низко над землей. Файнхальс вжался в землю, уткнув голову в вырытый им окопчик, и вдруг услышал переданную по цепи команду: «Приготовиться к броску!»

Тут справа до него донесся шорох, перешедший в негромкое и зловещее шипение, казалось, трескучее пламя ползет в его сторону по бикфордову шнуру. И в тот момент, когда Файнхальс пристраивал поудобней ранец на спине, рядом с ним рвануло воздух, и ему показалось, что кто-то дернул его за левую руку, а потом схватил ее выше локтя и резко рванул к себе. И тут же вся рука окунулась в теплую влагу.

– Я ранен! – закричал Файнхальс, приподняв голову из грязи окопа, но сам не услышал своего голоса. Вместо этого чей-то чужой голос тихо, но явственно произнес: «Навозник».

Голос доходил до него словно сквозь стену из толстого стекла, ясно различимый и в то же время очень далекий. Негромкий, приглушенный, приятный голос настойчиво повторял: «Навозник», я «навозник», капитан Бауэр у аппарата». Потом последовала недолгая пауза, и тот же голос произнес: «Слушаю, господин подполковник». И снова пауза. Наступила глубокая тишина, лишь откуда-то издалека доносилось бульканье, шлепанье и шипенье, словно вода кипела на огне.

Файнхальс вдруг понял, что лежит с закрытыми глазами. Открыв их, он сразу увидел голову капитана, голос тоже зазвучал как будто громче. Голова капитана отчетливо вырисовывалась в темном проеме окна с обшарпанной рамой, на его небритом лице застыло усталое раздражение. Прищурив глаза, капитан трижды повторил с секундными интервалами: «Так точно, господин подполковник!»

После этого капитан нахлобучил каску, и его округлая, добродушная, жукастая физиономия сразу стала на редкость комичной. Он сказал кому-то, стоявшему рядом: «Дело дрянь! Прорыв в третьем и четвертом квадратах. Придется ехать на передовую». Другой голос крикнул в глубину дома: «Связного мотоциклиста – к капитану!» Казалось, что разноголосое эхо подхватило эти слова, разнесло их по дому и постепенно затихло: «Связного – к капитану! Связного – к капитану!»

Вскоре Файнхальс услышал нарастающий сухой треск мотора, а потом увидел мотоцикл, выехавший из-за угла; запыленная, глухо урчащая машина понемногу замедляла ход и остановилась неподалеку от него. Лицо у мотоциклиста было усталое, безразличное. Не выключая мотора и сидя на подпрыгивающей машине, он крикнул в темное окно: «Связной по вашему приказанию прибыл, господин капитан!» На крыльце появился капитан с сигарой в зубах, в каске он походил на кряжистый, насупленный гриб. Медленно и тяжело шагая, он подошел к мотоциклу, нехотя втиснулся в коляску, буркнул: «Поехали» – и машина, сорвавшись с места, треща, подпрыгивая, вздымая клубы пыли, понеслась вперед, в бурлящий хаос боя.

Пожалуй, никогда еще Файнхальс не испытывал такого блаженства. Боли он почти не чувствовал – лишь слегка ныла левая рука, которая лежала рядом с ним, словно чужая, упакованная в бинты и вату, одеревенелая и окровавленная. Все остальное было в целости, он без труда поднял сначала правую, потом левую ногу, пошевелил пальцами ног в сапоге, приподнял голову, ему даже удалось закурить лежа. Прямо перед собой он видел всходившее солнце, которое только что выбралось из пыльной завесы, затянувшей на востоке весь горизонт. Все звуки доходили до него как-то приглушенно, будто голова его была обернута в вату. И тут только Файнхальс вспомнил, что за последние сутки он ничего не ел, кроме кислого леденца, пахнувшего аптекой, и ничего не пил, кроме нескольких глотков ржавой тепловатой воды с примесью песка.

Почувствовав, что его поднимают и несут куда-то, он снова закрыл глаза, но по-прежнему отчетливо видел окружающее. Все это было ему уже не внове, все это однажды уже случилось с ним. Сначала его обдало теплой волной выхлопного газа от санитарной машины, стоявшей с включенным мотором; потом его внесли в накаленный, пропахший бензином кузов; носилки скрипнули, дверца захлопнулась, взревел мотор, и шум фронта стал постепенно отдаляться, медленно, почти незаметно, точно так же, как незаметно он подбирался вчера. Лишь на городской окраине по-прежнему рвались через равные промежутки времени одиночные снаряды. И, засыпая, Файнхальс успел подумать: хорошо, что на этот раз все кончилось так быстро. Очень быстро! Только немного хотелось пить, ноги сбил и страшновато было.

Очнулся он от внезапного толчка: машина резко затормозила. Рывком распахнулись дверцы, снова заскрипели носилки, и его внесли в прохладный, чисто выбеленный коридор. Стояла полная тишина, носилки были поставлены в ряд, друг за другом, словно шезлонги на узкой палубе. Прямо перед собой Файнхальс увидел густую черную шевелюру, – обладатель ее лежал неподвижно, на следующих носилках беспокойно поблескивала чья-то лысина, то появляясь, то вновь скрываясь, а еще дальше белела наглухо забинтованная голова – уродливая, непомерно длинная, и этот марлевый пакет не переставая кричал: «Шампанского!» Знакомый голос давешнего полковника, беспомощный и в то же время наглый, рвался к потолку в непрерывном крике: «Ша-ампанского!»

– Помочись и хлебай! – спокойно сказала лысина. Сзади кто-то осторожно хихикнул.

– Ша-ампанского! – надрывался полковничий голос. – Шампанского со льдом!

– Заткнись, – так же спокойно произнесла лысина, – заткнись же, гад.

– Шампанского, – жалобно захныкал вдруг полковник. Белая, забинтованная голова его откинулась назад, и Файнхальс увидел кончик длинного носа, торчащий из марли.

– И девочку, теплую девочку...

– Переходи на самообслуживание! – тут же откликнулся лысый.

Потом полковника унесли наконец в перевязочную, и все стихло.

В наступившей тишине до раненых донеслись глухие разрывы на дальних окраинах, казалось, звук их добирался сюда из бесконечной дали, с края войны. Когда в коридор снова вынесли полковника – теперь он лежал молча, повернув набок забинтованную голову, а на смену ему в двери перевязочной протиснули носилки лысого, – со двора донесся шум приближающейся автомашины. Мягкое урчание мотора нарастало с почти угрожающей быстротой, чудилось, что автомобиль вот-вот протаранит белую стену коридора. Но урчание вдруг стихло, чей-то голос во дворе выкрикнул слова команды, и когда задремавшие было раненые повернули головы к двери, они увидели генерала. Он медленно шел вдоль ряда носилок, молча опуская на одеяло каждого раненого пачку сигарет. В гнетущей тишине Файнхальс слышал приближающиеся шаги, и вот совсем рядом с ним выплыло лицо генерала – желтое, скорбное лицо с крупными чертами, с седыми бровями и черной каймой пыли вокруг бескровного рта. По лицу генерала было видно, что и это сражение он проиграл...

II

– Брессен, Брессен, взгляните на меня, – раздался голос у его изголовья, и он сразу узнал фон Клевица, дивизионного хирурга, которого, как видно, послали выяснить на месте, когда же полковник Брессен сможет вернуться в строй. Нет уж, слуга покорный, он и слышать не желает про свой полк. Брессен даже не посмотрел в сторону Клевица. Он уставился неподвижным взглядом на картину, висевшую справа от него, почти в самом углу, дальнем и темном: на зеленом лугу паслись серые овцы, а пастух в голубом плаще играл на флейте.

Никто бы в этот миг не догадался, о чем думает полковник Брессен. А думал он о неприятнейших вещах, о которых он, как ни странно, вспоминал часто и охотно. Брессен никак не мог уяснить себе, действительно ли он слышал только что голос Клевица; то есть он слышал его, конечно, но не желал признаваться в этом даже самому себе и продолжал упорно смотреть на пастуха с флейтой, вместо того чтобы повернуть голову и сказать: «А, Клевиц, рад вас видеть. Спасибо, что не забыли!»

Потом Брессен услышал шорох перелистываемой бумаги и решил, что врачи углубились в его историю болезни. Он лежал, уставившись в затылок пастуха, и думал о тех далеких временах, когда ему привелось служить в фешенебельном ресторане. В часы обеда он, картинно расправив плечи, вышагивал между столиками и раскланивался с посетителями. Просто поразительно, до чего быстро он освоил тогда все виды и оттенки поклонов. Короткий поклон, глубокий поклон, полупоклон, небрежный кивок. Иным он даже и не кивал, а просто на мгновение прикрывал глаза, но тем казалось, что он кивнул. Брессен быстро постиг и новую «табель о рангах» – совсем как в армии с ее иерархией серебряных плетений, просветов и звездочек на погонах, за которыми шла серая масса пустых или полупустых солдатских погон. Шкала поклонов в ресторане была несложной – все зависело от бумажника да от суммы счета. Брессен обходился там даже без профессиональной угодливости – он почти не улыбался, а с лица его, как ни старался он принять безразличный вид, не сходило выражение бдительной строгости. Посетитель, удостоившийся его внимания, чувствовал себя не столько польщенным, сколько провинившимся в чем-то. Все гости ежились под его пристальным, оценивающим взглядом, и Брессен вскоре обнаружил, что некоторых из них его взгляд повергает в полное смятение, бедняги принимались резать ножом пюре и судорожно ощупывали в кармане бумажник всякий раз, когда Брессен проходил мимо. Его удивляло лишь, что на следующий день его жертвы снова появлялись в ресторане и безропотно выносили его кивки и оценивающие взгляды, считая, видимо, что в первоклассных ресторанах так уж заведено. За породистое лицо и умение носить фрак Брессену прилично платили и вдобавок кормили бесплатно.

Но при всем своем напускном высокомерии Брессен, в сущности, и сам постоянно робел. Бывали дни, когда от волнения он внезапно начинал потеть. Пот лил с него градом, и он не знал, куда деваться.

Хозяин ресторана был добродушный плебей, упоенный своей удачливостью в делах. Он унижал Брессена своими подачками: иногда по вечерам, когда ресторан постепенно пустел и Брессен уже подумывал о том, как бы уйти, хозяин, порывшись своими короткими пальцами-обрубками в ящичке с дорогими сигарами, выуживал две-три штуки и, как ни отнекивался Брессен, совал их ему в верхний карман пиджака. «Берите, не стесняйтесь, – бормотал при этом хозяин с обычной смущенной улыбочкой, – это хорошие сигары!» И он брал сигары. Дома он выкуривал их с Фельтеном, с которым они вместе снимали меблированную комнату. Фельтен каждый раз восторгался сигарами. «Брессен, черт возьми, вот это – вещь!» – приговаривал он. Брессен помалкивал и, в свою очередь, не ломался, когда у Фельтена оказывалась хорошая выпивка. Фельтен был коммивояжером какой-то виноторговой фирмы, и случалось, что в удачные дни он приносил домой даже шампанское.

– Шампанского, – произнес Брессен вслух. – Шампанского со льдом.

– Только это от него и слышишь, – сказал ординатор.

– Вы имеете в виду господина полковника? – сухо спросил Клевиц.

– Так точно, господина полковника Брессена. Это единственные слова, которые изволят время от времени произносить господин полковник. Кроме того, господин полковник изредка упоминают еще о девочке – теплой девочке.

Но хуже и мучительней всего были в те дни его трапезы. Он ел в грязноватой каморке за столом с потертой скатертью. Подавала ему сварливая повариха, которая и знать не желала, что Брессен предпочитает пудинги всем прочим блюдам. Тошнотворный кухонный чад, омерзительный всепроникающий запах застывшего сала лез в рот, в ноздри, царапал горло. Вдобавок в комнату то и дело заходил хозяин, не вынимая изо рта сигары, подсаживался к столу, наливал себе рюмку водки и залпом выпивал ее.

Позже Брессен ушел из ресторана и стал давать уроки хорошего тона. Город, в котором он жил, был просто идеальным местом для подобного занятия. Многие из здешних нуворисей даже не подозревали, что рыбу принято есть иначе, чем мясо. Всю свою жизнь эти люди вообще ели руками, и теперь, став обладателями автомобилей, особняков и дорогих женщин, буквально из кожи лезли вон, лишь бы научиться хорошим манерам. Брессен выводил своих клиентов в большой свет, словно новичков на каток, он регулярно навещал их, обсуждая с ними очередное меню, учил правильному обхождению с прислугой и в завершение, ужиная с ними, показывал, как владеть вилкой и ножом, контролировал каждое их движение, то и дело поправлял и пытался научить собственноручно откупоривать за столом бутылку шампанского.

– Шампанского! – снова повторил он. – Шампанского со льдом.

– Господи, Боже мой, – простонал Клевиц, – Брессен, да посмотрите же на меня в конце концов!

И не подумает он смотреть на Клевица. Он и слышать не желает про этот проклятый полк, который рассыпался, словно пепел. Где три его батальона, именовавшиеся по коду «навозник», «стрелок» и «колпак»? Где «шалаш» – его КП, с которого он руководил боем? К черту! Все пошло прахом!

Вскоре он услышал удаляющиеся шаги – Клевиц вышел из палаты.

Брессен с облегчением оторвал взгляд от дурацкой картины с овцами и пастухом: она висела в дальнем правом углу, смотреть на нее было неудобно, и у него даже затекла шея. Зато вторая картина висела почти напротив него; волей-неволей пришлось ее разглядывать, хотя и эта картина была не лучше первой. На ней был изображен Михай, юный наследник румынского престола, при посещении крестьянской фермы, слева и справа от него художник поместил маршала Антонеску и королеву-мать. Румынский крестьянин на картине застыл в необычной позе – он стоял, судорожно сжав ступни, и, казалось, вот-вот ткнется носом в землю, уронив на сапоги наследника свое подношение: то ли хлеб-соль, то ли кусок брынзы, – тем не менее юный принц улыбался. Впрочем, Брессен смотрел на картину невидящим взором, он просто был рад, что может теперь смотреть в одну точку прямо перед собой, не поворачивая головы и не испытывая боли в затылке.

Обучая выскочек хорошим манерам, Брессен сделал одно совершенно неожиданное открытие, в которое сам долго не хотел верить. Он и не подозревал раньше, что их и впрямь можно научить этому священнодействию с вилкой и ножом. Подчас он даже пугался, когда спустя каких-нибудь три месяца эти типы и их дамы вдруг давали ему понять, что он хоть и толковый, но весьма односторонний репетитор, и, подписав чек, любезно выпроваживали его. К счастью, попадались и такие, которые никак не могли постичь всю эту премудрость; пальцы их слишком загрубели – изящно срезать сырную корку, взять, как положено, бокал за ножку им было просто не по силам. Была еще одна категория учеников – те ничему научиться не могли, но и значения этому никакого не придавали. Поговаривали, что есть и такие, которые вообще

не считают нужным брать у него, Брессена, уроки хорошего тона. Единственное утешение в то время он находил в интрижках с женами своих учеников, интрижках совершенно безопасных и довольно приятных. Но почему-то все его партнерши очень быстро преисполнились к нему отвращением. У него в те годы было множество связей с самыми различными женщинами; но ни одна из них не приходила к нему дважды – хотя, ужиная с ними, он почти всегда заказывал шампанское...

– Шампанского, – повторил он снова, – шампанского со льдом!

Он произносил это, даже когда оставался один в палате, – так было надежней. Он вдруг вспомнил мельком о войне, которая еще не кончилась, но тут в палату снова вошли двое врачей, и Брессен немедленно уставился на кусок брынзы, которую мужик на картине протягивал юному королю Михаю. На секунду картину заслонила от него розовая рука главного врача, протянувшаяся за температурным листом на спинке кровати.

– Шампанского! – отчетливо произнес Брессен. – Шампанского и девочку!

– Господин полковник, – тихо сказал главврач. – Вы слышите меня?

Последовала короткая пауза, потом главврач сказал кому-то, стоявшему рядом с ним:

– Придется эвакуировать его с дивизионным госпиталем в Вену. В штабе дивизии не хотели бы, естественно, лишиться полковника Брессена, но что поделаешь!

– Так точно, – подтвердил ординатор.

После этих слов Брессен долго ничего не слышал, хотя врачи, по-видимому, все еще стояли у его койки, иначе скрипнули бы двери. Но вот снова зашуршала бумага – опять они взялись за эту чертову историю болезни. Они листали ее, не произнося ни слова.

Потом наконец там, наверху, вспомнили, что Брессен может учить людей другим вещам, действительно достойным изучения, – например, новому боевому уставу пехоты. Он уже знал его назубок – все новинки регулярно присылали ему по почте. Брессен занялся военной подготовкой членов «Стального шлема» и молодежных организаций в своем округе, и он хорошо помнил, что это почетное назначение совпало с неожиданным изменением его вкусов и привычек: он пристрастился к сладостям и охладел к случайным связям. Вскоре он убедился, что хорошо сделал, заведя всеми правдами и неправдами собственного коня. Теперь в дни учений он выезжал на загородный плац задолго до начала занятий, проводил совещания с командирами отрядов, просматривал расписание, а главное – теперь он мог поближе узнать людей, присмотреться к ним во внеслужебной обстановке. Среди них попадались и бывалые фронтовики, и зеленые – на удивление трезвые и в то же время наивные юнцы, которые иногда решались даже возражать ему. Все было бы хорошо, если бы не приходилось соблюдать некоторые меры предосторожности: так, например, после занятий нельзя было въехать в город верхом, во главе отряда. Но на учениях почти все шло по-старому. В боевой подготовке батальона он разбирался хорошо, а пересматривать новый устав не было надобности: его создатели в достаточной мере учли опыт войны, не изменив при этом ничего коренным образом. Особое внимание Брессен уделял строевой подготовке – он считал ее делом первостепенной важности и без усталости отрабатывал с людьми маршировку, основные стойки и повороты. Случались дни, – для Брессена это было настоящим праздником, – когда он, чувствуя небывалый прилив сил, решался даже проводить батальонные строевые учения, которые в мирное время далеко не всегда удавались даже регулярным воинским частям.

Однако вскоре все предосторожности были отброшены, и Брессен, став снова всамделишным майором и командиром пехотного батальона, даже не ощутил существенных изменений в своем положении.

Вдруг он почувствовал, что вращается, и сначала не понял, действительно ли он вращается или это – обман чувств. Но он вращался и хорошо знал, что действительно вращается, – как это было ни печально, он отлично сознавал все происходящее. Его приподняли и осторожно уложили на носилки, стоявшие рядом. Голова его запрокинулась назад, и несколько

секунд он глядел в потолок, но ему тут же подсунули под голову подушку, и взгляд его непроизвольно остановился на третьей картине, висевшей в палате. Брессен до сих пор еще не видел этой картины – она висела у самой двери, – и поначалу он даже обрадовался: не будь картины, ему пришлось бы смотреть на врачей, стоявших теперь как раз по обе его стороны. Главного врача в палате не было, а ординатор разговаривал с другим молоденьким врачом, которого Брессен до сих пор не примечал. Ординатор, приземистый толстяк, тихо зачитывал своему коллеге сведения из брессеновской истории болезни и, видимо, давал пояснения. Брессен, к величайшей своей досаде, так и не уловил ни слова из того, что они говорили, и не потому, что ему изменил слух, – его мучило именно то, что он до сих пор все слышал и понимал; просто врачи стояли довольно далеко и к тому же перешли на шепот. Зато он отлично слышал все звуки, долетавшие в палату извне, – гул голосов, стоны раненых, ворчание заводимых моторов. Потом перед ним выросла спина санитаря, а другой солдат, стоявший за изголовьем носилок, сказал: «Ну, взяли!»

– А багаж его? – откликнулся первый и, обращаясь к ординатору, добавил: – Кто вещи понесет, господин доктор?

– Пойдите поищите кого-нибудь. Пусть вынесут.

Оба санитаря снова вышли из палаты.

Брессен тем временем, не поворачивая головы, всматривался в третью картину, по обе стороны которой торчали головы врачей. Просто невероятно, как она попала сюда? Конечно, госпиталь могли разместить в школе, а то и в монастыре. Но он в жизни своей не слышал, что в Румынии есть католики. В Германии они как будто еще не перевелись, но в Румынии? И вот извольте – здесь на стене висит изображение Богоматери. Брессен со злостью смотрел на картину – иного выбора у него не было. Приходилось смотреть не отрываясь на эту женщину в небесно-голубом одеянии, да и выражение лица у нее было раздражающе серьезное. Святая Дева на картине парила над земным шаром, подняв очи к небу, покрытому белоснежными облаками; в руках у нее были кедровые четки. «Экая мерзость», – подумал Брессен, слегка покачав головой. И тут же пожалел об этом: оба врача вдруг насторожились, посмотрели на него, потом как по команде перевели глаза на картину, словно проследив направление его взгляда, и медленно двинулись к его носилкам. Брессену было теперь очень трудно смотреть на раздражавшую его Мадонну между головами врачей, мимо двух пар устремленных на него глаз. Ему никак не удавалось вновь погрузиться в воспоминания, вернуться к тому блаженному времени, о котором он думал всего лишь несколько минут тому назад. В те годы привычный мир возрождался у него на глазах, медленно, но неуклонно. Все возвращалось – и общество генштабистов, и гарнизонные сплетни, и адъютанты, и денщики. Но сейчас ему никак не удавалось снова перенестись в этот мир. Он как в тиски был зажат в узком промежутке в двадцать сантиметров, в котором висела картина, обрамленная головами обоих врачей. Но вскоре он с некоторым облегчением заметил, что промежуток этот расширился, ибо врачи подошли вплотную к его носилкам и остановились по обе стороны.

Они почти исчезли из поля его зрения, лишь краем глаза он видел белые пятна их халатов. Теперь он ясно слышал их разговор.

– Значит, вы полагаете, что дело тут не в ранении?

– Исключено, – отозвался ординатор. Зашуршала бумага – он опять раскрыл историю болезни. – Исключено. До смешного пустячная царапина. Осколок по касательной задел кожу головы. Через пять дней зажило бы без следа. К тому же никаких симптомов сотрясения мозга! Разве что шок у него, или... – Ординатор вдруг умолк.

– Или? – переспросил другой врач.

– Я лучше воздержусь от диагноза...

– Да говорите, чего там!

Наступила мучительная для Брессена пауза: оба врача обменивались, видимо, какими-то знаками, незнакомый врач внезапно расхохотался, хотя Брессен не слышал больше ни слова. Потом засмеялся и ординатор. Брессен обрадовался, когда в палату ввалились двое солдат, ведя с собой третьего. Последний, судя по руке на перевязи, был из выздоравливающих.

– Файнхальс, – сказал ему ординатор, – отнесите в машину портфель полковника. Чемодан отправим потом, – добавил он, обращаясь к санитарам.

– Так вы это всерьез? – спросил незнакомый врач.

– Вполне!

Тут Брессен почувствовал, что его подняли и понесли; Дева Мария качнулась влево, белая стена надвинулась на него, потом выплыл переплет окна в коридоре; санитары развернули носилки, пронесли Брессена по коридору, снова повернули, и Брессен невольно зажмурился от яркого солнечного света. Он облегченно вздохнул, когда за его спиной захлопнулись наконец дверцы санитарной машины.

III

В германской армии было великое множество фельдфебелей – звездочек с их погон хватило бы на то, чтобы разукрасить своды какой-нибудь бездарной преисподней; было там и немало фельдфебелей по фамилии Шнейдер, а в их числе попадались и такие, которых при рождении нарекли именем Алоиз. Но лишь один фельдфебель Алоиз Шнейдер нес в те дни службу в венгерском местечке Сокархей – полудеревне, полукурорте. Стояло лето.

Шнейдеру отвели маленькую комнату, оклеенную желтыми обоями; снаружи на дверях висела розовая картонная табличка с надписью, выведенной черной тушью: «Фельдфебель Шнейдер. Выписка и отпуска». Шнейдер сидел за столом спиной к окну, и, когда не было работы, обычно вставал из-за стола и, повернувшись, бездумно смотрел на пыльный проселок. Направо дорога вела в деревню, налево, петляя между садами и кукурузными полями, уходила в «пусту» – бескрайнюю венгерскую степь. Делать Шнейдеру было почти нечего. В госпитале остались лишь тяжелораненые – всех сколько-нибудь «транспортабельных» больных эвакуировали, а ходячих выписали и, выдав им обмундирование и сухой паек, отправили на фронтной пересыльный пункт. В окно Шнейдер мог смотреть часами. Духота на дворе была невыносимая – лучшим средством против такого климата Шнейдер считал абрикосовую водку, смешанную с сельтерской. Водка эта была в меру крепкая, очищенная и к тому же недорогая. Приятно было постепенно пьянеть, сидя у окна и уставившись на дорогу или голубое небо. Но хмель приходил медленно, Шнейдер пил с остервенением, и даже по утрам ему приходилось поглощать изрядную порцию водки, прежде чем хмельная волна смывала обычное отупение. Он разработал целую систему: в первый стакан добавлял к сельтерской лишь самую малость водки, во второй – побольше, в третьем смешивал сельтерскую с водкой пополам, в четвертый не добавлял сельтерской, пятый снова шел половина на половину, шестой он пил, как второй, и седьмой был вновь почти без водки, как первый. На седьмом стакане он всегда останавливался. Всю эту процедуру Шнейдер успевал завершить к половине одиннадцатого и становился, как он говаривал, «яростно трезвым». Холодный огонь разливался по его жилам, и он был теперь в состоянии кое-как вытерпеть очередной идиотский день. На выписку больные приходили обычно не раньше одиннадцати, чаще всего в четверть двенадцатого, и в распоряжении Шнейдера всегда оставалось еще около часа. Он мог глядеть в окно на дорогу, по которой лишь изредка, вздымая клубы пыли, проезжала телега, запряженная парой тощих кляч; мог ловить мух или же мысленно вести беседы с кем-нибудь из начальства – тщательно продуманные немногословные диалоги, полные снисходительной иронии. Впрочем, случалось, что Шнейдер просто сортировал печати или раскладывал бумаги у себя на столе.

В то утро, в половине одиннадцатого, доктор Шмиц вошел в палату, куда поместили двух раненых офицеров, прооперированных им еще на рассвете. По левую руку от него лежал лейтенант Молль – двадцатилетний юнец с острым старушечьим лицом. Он еще не проснулся после наркоза и, казалось, ухмылялся во сне. Мухи роем кружились над его забинтованными руками и над головой, упакованной в заскорузлую от крови марлю. Шмиц попытался было отогнать мух, но, отчаявшись, махнул рукой и лишь натянул простыню на голову спящего. Потом, как всегда перед обходом, он надел отутюженный белый халат и, медленно застегнув его на все пуговицы, повернулся к другому раненому – капитану Бауэру. Тот как будто медленно выходил из наркотического оцепенения – он невнятно бормотал что-то, не открывая глаз и тщетно пытаясь пошевелинуться: после операции его привязали к койке. Голова его тоже была перехвачена ремнями и притянута к спинке кровати – шевелились только губы, он бормотал не переставая, и временами казалось, что он вот-вот откроет глаза. Шмиц терпеливо ждал, засунув руки в карманы халата. В душной палате стоял полумрак и слегка пахло наво-

зом. Несмотря на плотно закрытые окна и двери, воздух кишел мухами. До войны подвалы этого дома служили зимними стойлами для скота. Прерывистое, невнятное бормотание раненого обрело форму – теперь он раздвигал губы через равные промежутки времени и повторял какое-то слово. Шмиц никак не мог разобрать его и словно зачарованный стоял, вслушиваясь в этот непонятный поток звуков, в котором «е» и «о» чередовались с гортанными согласными. И тут капитан внезапно открыл глаза. «Бауэр», – громко произнес Шмиц, хотя и знал, что это бесполезно. Он склонился над койкой и несколько раз резко взмахнул рукой перед самыми глазами раненого. Рефлекса не последовало. Шмиц еще ближе поднес руку к лицу капитана, так близко, что коснулся его густых бровей. Но тот лишь беспрестанно повторял непонятное слово. Казалось, он смотрел в глубь своей души, но нельзя было понять, что он там видит. Вдруг он произнес это слово ясно, четко, как заученное, потом еще и еще раз. Шмиц низко склонился над койкой, приставив ухо почти к самым губам капитана. «Белогорша», – произнес Бауэр. Шмиц напряженно вслушивался – он никогда не слышал такого слова, не понимал, что оно значит, но слово нравилось ему, казалось загадочным и прекрасным. Стояла глубокая тишина – врач слышал дыхание раненого, смотрел в его невидящие глаза и каждый раз с напряжением ждал, пока он вновь повторит: «Белогорша». Шмиц посмотрел на часы – крохотный палец секундной стрелки еле-еле полз по циферблату. Ровно через пятьдесят секунд капитан вновь произнес: «Белогорша». Следующие пятьдесят секунд показались Шмицу целой вечностью. За окном послышался шум моторов, во двор госпиталя въехало несколько грузовиков. Из коридора донеслись голоса. Шмиц вспомнил вдруг, что начальник госпиталя просил заменить его сегодня на обходе. Во дворе снова загудел мотор. «Белогорша», – сказал Бауэр. Шмиц опять стал ждать. В дверях палаты появился фельдфебель. Он раскрыл было рот, но Шмиц досадливо отмахнулся, не спуская глаз с секундной стрелки. Вот она наползла на цифру 30. «Белогорша», – сказал капитан. Шмиц шумно вздохнул.

– Что там у вас? – повернулся он к фельдфебелю.

– Пора начинать обход.

– Сейчас приду, – сказал Шмиц.

Посмотрев еще раз на часы, он прикрыл их рукавом халата в тот момент, когда капитан только что сомкнул губы, а секундная стрелка стояла на 20. Шмиц не сводил взгляда с губ больного. Как только они дрогнули, он потянул рукав халата и, услышав «Белогорша», быстро приоткрыл часы. Стрелка стояла точно на цифре 10.

Шмиц медленно вышел из палаты.

В этот день на выписку никто не явился. Подождав до четверти двенадцатого, Шнейдер отправился в буфет за сигаретами. Проходя по коридору, он задержался у окна: во дворе шофер поливал из шланга машину начальника госпиталя. «Стало быть, сегодня четверг», – мелькнуло в голове у Шнейдера. По четвергам шофер начальника всегда возился с машиной.

Корпуса, в которых разместили госпиталь, составляли незамкнутый четырехугольник, обращенный своей открытой стороной к железной дороге. В северном крыле здания было хирургическое отделение, в центре – канцелярия и рентгеновский кабинет, в южном крыле – кухня и жилые помещения для личного состава. Там же, в самом конце коридора, в шестикомнатной квартире жил с семьей директор сельскохозяйственного училища, которое находилось здесь до войны. Внутри прямоугольника, с его открытой стороны, был разбит обширный сад, где размещались душевая, конюшни и несколько опытных участков – аккуратные грядки разных злаков и овощей. Сад тянулся далеко, его плодовые деревья росли у самых путей. Иногда по дорожкам разъезжала верхом жена директора, вслед за ней, визжа от восторга, ехал на маленьком пони ее сын, шестилетний сорванец. После каждой такой прогулки директорша, молодая красавица, неизменно являлась с жалобой в канцелярию: она обнаружила в саду у

навозной ямы неразорвавшийся снаряд, который, по ее мнению, мог в любой момент взорваться. Ей каждый раз обещали принять меры, но так ничего и не делали.

Шнейдер, стоя у окна, наблюдал за шофером начальника, который, как всегда, трудился с необычайным усердием. Хотя он водил одну и ту же машину уже два года и знал ее как свои пять пальцев, он все же, как положено по уставу, расстелил перед собой на ящике схему смазки, облачился в рабочий комбинезон и обставился множеством ведерок и канистр. Сиденья в низком лимузине начальника были обиты красной кожей.

– Четверг, подумать только, снова четверг, – пробормотал Шнейдер. – Если шофер начальника чистит машину, значит, четверг, можно не заглядывать в календарь.

Кивнув миловидной белокурой сестре, пробежавшей мимо него по коридору, Шнейдер направился в буфет. Но дверь была заперта.

Во двор въехали друг за другом два грузовика и остановились неподалеку от машины начальника. Шнейдер выглянул в окно; в эту минуту во дворе появилась знакомая тележка с фруктами. Девчонка-мадьярка, сидя на перевернутом ящике, держала вожжи. Осторожно лавируя между машинами, она направила тележку к кухне. Звали ее Сарка – каждую среду она привозила в госпиталь фрукты и овощи из какой-то окрестной деревушки. У госпитального интенданта было много поставщиков – фрукты закупали ежедневно. Но по средам приезжала только Сарка, Шнейдер знал это совершенно точно – уже не раз по средам, около половины двенадцатого, он прерывал работу и, стоя у окна, смотрел, как вдалеке, на аллее, ведущей к станции, показывалось знакомое облако пыли. Он ждал, пока из этого облака вынырнет лошадиная морда, потом передние колеса телеги и под конец хорошенькое личико Сарки с улыбочивым ртом. Шнейдер закурил свою последнюю сигарету и уселся на подоконник. «Сегодня я уж обязательно с ней познакомлюсь», – подумал он и тут же вспомнил, что каждую среду думал точно так же: сегодня я обязательно с ней познакомлюсь, но все оставалось по-старому. И все же сегодня он непременно с ней заговорит!

У Сарки была одна черта, которую Шнейдер вообще впервые для себя обнаружил только у здешних женщин. Раньше он видел этих мадьярских девчонок-степнячек лишь в кино – горячие, как огонь, они самозабвенно отплясывали свой чардаш. Но Сарка на них не походила – спокойная, на вид как будто недотрога, она была на самом деле полна глубоко скрытой ласки. Она была ласкова со своей лошадью и даже с фруктами и овощами в корзинах: со всеми этими абрикосами, помидорами, сливами, грушами, огурцами и красным перцем.

Вот ее пестрая тележка, благополучно миновав все грязные бидоны и ящики, подкатила к дверям кухни, и Сарка постучала в окно кнутовищем.

Обычно в эти часы в госпитале было тихо. Во время обхода воцарялась какая-то молчаливая настороженность. Повсюду было чисто прибрано, и неуловимая тревога расползлась по палатам. Но сегодня все были возбуждены, шумели, хлопали дверьми, раздавались громкие голоса.

Шнейдер слышал все это как бы краем уха – шум не доходил до его сознания. Докуривая свою последнюю сигарету, он видел в окно, как Сарка торговалась с поваром. Прежде торг с ней вел всегда интендант, то и дело пытавшийся ущипнуть ее за мягкое место. Но сегодня к ней вышел повар – фельдфебель Прачки, тщедушный, немного суетливый, но очень дельный парень. Готовил он превосходно. Поговаривали, что женщины для него не существуют. Сарка втолковывала ему что-то и, судя по ее красноречивым жестам, требовала денег. Повар в ответ лишь пожимал плечами, тыкал пальцем в направлении главного корпуса, как раз туда, где сидел на подоконнике Шнейдер. Сарка повернулась и посмотрела, куда указывал повар, – почти в упор на Шнейдера. Фельдфебель прыгнул с подоконника и в этот момент услышал, как кто-то зовет его: «Шнейдер! Шнейдер!» Потом голос на мгновение умолк, но тут же прозвучал снова: «Шнейдер! Фельдфебель Шнейдер!»

Шнейдер еще раз взглянул в окно: Сарка, взяв под уздцы свою лошаденку, направилась прямо к главному корпусу; шофер начальника, топчась в большой маслянистой луже, аккуратно складывал схему смазки. Шнейдер нехотя двинулся к канцелярии; по дороге туда он успел поразмыслить о многом: о том, что сегодня он непременно познакомится с Саркой, и о том, что эта неделя вообще какая-то путаная: ведь шофер никогда не чистил машину по средам, а Сарка никогда не приезжала по четвергам.

Из общей палаты, теперь почти опустевшей, навстречу ему вышла группа людей в белых халатах. Безмолвную процессию, состоявшую из палатных сестер, старшего фельдшера и санитаров, возглавлял на сей раз не начальник, а доктор Шмиц, младший ординатор в чине унтер-офицера. Приземистый, толстый Шмиц был на редкость молчалив и ничем не привлекал к себе внимания. Его холодные серые глаза смотрели жестко, и по временам, когда Шмиц опускал на мгновение веки, казалось, что он вот-вот скажет что-то веское. Но Шмиц еще ни разу ничего такого не сказал. Подойдя к канцелярии, Шнейдер увидел, что обход окончен, – участники его стали расходиться. Доктор Шмиц направился к Шнейдеру; открыв двери канцелярии, Шнейдер пропустил врача вперед и сам вошел следом за ним.

Старший каптенармус, помощник начальника госпиталя, сидя за столом, говорил по телефону. На его широкой физиономии застыла брюзгливая гримаса.

– Никак нет, господин майор, – произнес он в тот момент, когда Шмиц и Шнейдер появились в дверях. В трубке послышался голос шефа. Каптенармус поднял глаза на вошедших, жестом предложил врачу сесть, улыбнулся Шнейдеру и, сказав: «Так точно, господин майор!» – повесил трубку.

– Ну что там стряслось? – спросил Шмиц. – Сматываем удочки?

Он развернул было газету, лежавшую перед ним на столе, но тут же снова сложил ее и заглянул через плечо писаря Файнхальса, склонившегося над листом бумаги. Он заметил, что Файнхальс чертит план местечка. «Полевой эвакуопункт Сокархей» – значилось на листе. Шмиц холодно взглянул на каптера.

– Да, да, – откликнулся тот, – эвакуируемся. Приказ уже получен.

Он пытался скрыть волнение, но Шнейдер уловил в его глазах какую-то пакостную дрожь. Да и руки у него тряслись.

Каптенармус окинул рассеянным взглядом зеленые раздвижные ящики, расставленные вдоль стен и служившие попеременно и шкафами, и письменными столами. Он так и не предложил Шнейдеру сесть.

– Файнхальс, одолжите сигарету. Сегодня же верну, – сказал Шнейдер.

Файнхальс встал, достал из кармана голубую пачку сигарет и протянул ее фельдфебелю. Шмиц тоже потянулся за сигаретой. Все молчали. Шнейдер стоял, прислонясь к стене, и курил.

– Все ясно, – сказал он, ни к кому не обращаясь, – я, конечно, ухожу последним с группой прикрытия. В былые времена, когда шли вперед, я всегда был квартирьером.

Каптер побагровел. Из-за стены доносился стук пишущей машинки. Зазвенел телефон. Он взял трубку, назвал ее, послушав с минуту, произнес: «Так точно, господин майор, приказ я пришлю вам на подпись».

– Файнхальс, – сказал он, положив трубку, – узнайте, готов ли приказ.

Шмиц и Шнейдер переглянулись. Врач снова развернул газету. «Процесс против изменников отечества начался», – прочел он заголовок и бросил газету обратно на стол.

Файнхальс вернулся в канцелярию в сопровождении старшего писаря, бледного, бело-брысого унтера. Пальцы его пожелтели от табака.

– Оттен, – окликнул его Шнейдер, – открой еще разок буфет.

– Одну минуту, – раздраженно перебил каптер, – у меня есть к нему дела поважнее. – Он нетерпеливо барабанил по столу пальцами, пока Оттен раскладывал копии приказа и вытаскивал копирку. Приказ уместился на двух машинописных страничках и, казалось, состоял

сплошь из фамилий исполнителей. Оттен отпечатал его с двумя копиями. Шнейдер все думал о девушке. Должно быть, она пошла к интенданту за деньгами. Он устроился у окна так, чтобы не терять из поля зрения ворота.

– Не забудь сигарет нам оставить, – бросил он Оттену.

– Прекратить разговоры, – рявкнул каптенармус.

Он протянул Файнхальсу экземпляр приказа: «Отнесите начальнику на подпись». Файнхальс сколол листы скрепкой и вышел.

Каптенармус повернулся к Шнейдеру, но тот по-прежнему смотрел в окно. Близился полдень. На улице не было ни души. Напротив госпиталя тянулся обширный пустырь, на котором по средам собирался базар. Солнце заливало ярким светом грязные прилавки торговых рядов. «Значит, все-таки среда», – подумал Шнейдер и повернулся к каптенармусу, все еще державшему в руке копию приказа. Файнхальс, успевший к тому времени возвратиться, стоял у двери.

– ... остаются здесь, – дошли до сознания Шнейдера слова каптенармуса. – Карту возьмете у Файнхальса. На сей раз все будем делать, как положено в боевой обстановке. Надо соблюсти формальности. Кстати, Шнейдер, возьмите-ка сейчас же людей, заберите со склада личное оружие и раздайте персоналу инфекционного отделения. Остальные уже в курсе дела.

– Оружие? – переспросил Шнейдер. – Это что, тоже формальность?

Каптер снова побагровел. Шмиц выудил очередную сигарету из пачки Файнхальса.

– Покажите мне список раненых, подлежащих эвакуации, – сказал он. – Начальник, видимо, сам выедет с первой партией?

– Да, – сказал каптенармус, – и список этот он сам составлял.

– Покажите его мне.

Каптер покраснел в третий раз. Он выдвинул ящик и, достав список, через стол протянул его врачу. Тот стал внимательно читать его, бормоча себе под нос каждую фамилию. В коридоре не стихал шум голосов. Все молча смотрели на Шмица и вздрогнули от неожиданности, когда он вдруг, с силой отшвырнув список, громко сказал:

– Капитан Бауэр и лейтенант Молль внесены. Это черт знает что! Любой студент вам скажет, – продолжал он, глядя в упор на каптенармуса, – что через полтора часа после сложной нейрохирургической операции больной еще нетранспортабелен!

Он снова взял список и щелкнул по нему пальцами.

– Чем грузить их в санитарную машину, лучше сразу пустить им пулю в лоб.

Шмиц обвел глазами всех находившихся в комнате.

– Ведь, наверно, еще вчера знали, что сегодня мы сматываемся, а? Почему же не отложили операцию? Почему, я вас спрашиваю?

– Приказ пришел только сегодня утром, еще и часу не прошло, – сказал каптенармус.

– Да что там приказ, – махнул рукой Шмиц. Бросив список на стол, он повернулся к Шнейдеру и сказал: – Все ясно, пойдете, – и уже за дверями добавил: – Вы прослушали, когда он зачитывал приказ. Группу прикрытия в этот раз возглавляю я. Мы еще обговорим это.

Шмиц повернулся и быстро зашагал к кабинету начальника, а Шнейдер уныло поплелся к себе.

По дороге он смотрел в каждое окно и видел, что тележка Сарки все еще стоит у дверей. Весь двор заполнили грузовики и санитарные машины, в самой гуще их стоял лимузин начальника. Погрузка уже началась, и Шнейдер заметил, что из кухни понесли к одному из грузовиков корзины с только что закупленными фруктами, а шофер начальника поволок к своей машине большой, обитый жестью ящик. В коридорах было столпотворение. Пробившись наконец к себе, Шнейдер быстро подошел к шкафу, выплеснул в стакан остаток водки из бутылки и долил туда немного сельтерской. Не успел он выпить, как во дворе глухо застучал первый заведенный мотор. Со стаканом в руке Шнейдер вышел в коридор и встал у окна: по шуму мотора он сразу узнал машину начальника. У нее был хороший мотор; Шнейдер, правда, ничего не смыслил

в моторах, но знал, что такой мотор не подведет. Тут он увидел и самого начальника госпиталя, спешившего к своей машине, – он шел без вещей, в кепи, надетом слегка набекрень. Он выглядел как всегда, только его выхоленная физиономия, обычно бледная, с нежным малиновым румянцем, сегодня густо пунцовела. Вообще шеф был красавец мужчина, высокий, статный, к тому же отличный наездник. Каждое утро, ровно в шесть часов, он выезжал на верховую прогулку и, помахивая ременной плетью, пускал коня в галоп; его фигура, равномерно уменьшаясь, таяла в бескрайней степи, казавшейся сплошным горизонтом. Но сегодня шеф был красный, как вареный рак. Таким Шнейдер видел его лишь однажды – в тот день, когда Шмицу удалась сложная операция, на которую сам шеф не отважился.

Шмиц сейчас шел рядом с начальником. Он был совершенно спокоен, а шеф возбужденно размахивал руками... Но в этот миг Шнейдер увидел в глубине коридора Сарку – она шла прямо к нему. Девушка, как видно, растерялась в общей суматохе и тщетно искала кого-нибудь, кто мог бы уделить ей внимание. Подойдя к Шнейдеру, она что-то сказала ему по-венгерски. Он ничего не понял и жестом пригласил девушку к себе в комнату. Как раз в эту минуту лимузин начальника тронулся с места и вся автоколонна медленно поползла следом за ним.

Судя по всему, девушка решила, что Шнейдер – помощник интенданта. Она не обратила внимания на пододвинутый ей стул, и, когда Шнейдер сам присел на край стола, подошла к нему и затараторила что-то, оживленно жестикулируя. Шнейдеру это было как нельзя более кстати, он мог смотреть на девушку, не вникая в смысл ее слов: по-венгерски он все равно не понимал. Сарка все говорила, а он молча глядел на нее. Ей не мешало бы слегка пополнеть, слишком уж она молода, совсем еще подросток с неразвившейся грудью. Но ее нежное личико было безупречно. Затаив дыхание, Шнейдер каждый раз ждал, когда она снова на мгновение умолкнет, опустив глаза, и ее длинные ресницы коснутся загорелых щек. Несколько секунд она стояла так, плотно сомкнув алые, пожалуй, несколько тонкие губы, и потом вновь начала говорить. Шнейдер разглядел девушку во всех подробностях – он немного переоценил ее, бесспорно, но все же она была просто очаровательна, и вдруг он, словно защищаясь, прикрыл лицо руками и закачал головой. Сарка сразу умолкла и посмотрела на него, недоверчиво и настороженно.

– Я хочу поцеловать тебя, слышишь? – негромко сказал Шнейдер.

Он и сам не знал, действительно ли он все еще хочет этого, но когда девушка зарделась и ее смуглая кожа стала медленно заливаться пылающим румянцем, ему стало стыдно, и он увидел, что хоть она не поняла его слов, смысл их был ей ясен. Когда фельдфебель прыгнул со стола, Сарка мгновенно отпрянула в сторону. И увидев, как в глазах ее плеснулся страх, как трепещет на ее худенькой шее голубоватая жилка, Шнейдер окончательно убедился, что девушка еще слишком молода. Он остановился, покачал головой и тихо сказал:

– Прости меня. Забудь! Понимаешь?

Но взгляд ее стал еще тревожней, и Шнейдер вдруг испугался, что она закричит. Теперь казалось, она совсем ничего не понимала. Тогда Шнейдер, тяжело вздохнув, подошел к ней, осторожно взял ее маленькие руки и поднес к губам. Пальцы у нее были грязные, – в нос Шнейдеру ударил смешанный запах лука, чеснока и чернозема, – но он все же прикоснулся к ним губами и через силу улыбнулся. Окончательно сбита с толку, девушка растерянно смотрела на Шнейдера, пока он не сказал, слегка хлопнув ее по плечу: «Ну, пойдем, надо же тебе деньги получить?» Но лишь когда он подкрепил свои слова убедительным жестом, губы ее дрогнули в улыбке и она вышла следом за ним из комнаты.

В коридоре он сразу же столкнулся со Шмицем и Оттенем.

– Вы куда? – спросил врач.

– Да вот интенданта ищем. Девчонке надо заплатить за фрукты.

– Ищи ветра в поле, – сказал Шмиц, – интендант еще вечером укатил в Солнок. Там он будет ждать наших квартирьеров.

Шмиц на миг опустил глаза, потом снова посмотрел на стоявших рядом мужчин. Наступило молчание. Сарка выжидающе поглядывала то на врача, то на фельдфебеля.

– Оттен, – произнес наконец Шмиц, – соберите людей во дворе. Надо разгрузить последнюю машину, а то ведь нам и корки хлеба не оставили!

Врач выглянул в окно; на опустевшем дворе одиноко стоял последний грузовик.

– А с девушкой как же быть? – осведомился Шнейдер.

Шмиц пожал плечами.

– Денег у меня нет!

– Может, ей завтра утром зайти?

Шмиц посмотрел на Сарку. Та улыбнулась ему.

– Пусть уж лучше сегодня после обеда заглянет.

Оттен побежал по коридору, крича во все горло: «Группа прикрытия, строиться!»

Шмиц вышел во двор и остановился у грузовика. Шнейдер проводил Сарку к ее тележке. Он долго пытался втолковать ей, чтобы она заехала еще раз после обеда, но девушка только упрямо качала головой, и он понял, что без денег Сарка не уедет. Он все еще не решался уйти. А Сарка уже взобралась на телегу, перевернула ящик, служивший ей козлами, и достала большой коричневый сверток. Потом, подвесив лошади мешок с овсом, она развернула свой пакет и извлекла оттуда краюху хлеба, большую котлету, пучок лука и принялась за еду, запивая ее вином из толстой зеленой бутылки. Теперь она непринужденно улыбнулась Шнейдеру и сказала вдруг с набитым ртом: «Надъварад», ткнув при этом несколько раз сжатым кулачком в воздух прямо перед собой и соорудив испуганную гримасу. Шнейдер решил, что она изображает схватку боксеров или просто возмущается тем, что ее надули. Что такое «Надъварад», он не знал. Экая тарабарщина этот венгерский язык, ни одного знакомого слова – даже табак они называют как-то по-своему. Девушка озабоченно покачала головой.

– Надъварад, Надъварад, – выразительно повторила она и снова ткнула кулачком в воздух прямо перед собой, словно отталкивая от себя кого-то. Она потрянула головой, рассмеялась и стала поспешно есть, прихлебывая вино из бутылки.

– Надъварад – рус! – произнесла она некоторое время спустя и повторила свой жест, на этот раз неторопливо и широко размахнувшись. – Рус, рус! – И, показав рукой на юго-восток, Сарка для пущей убедительности забормотала: «Бру, бру, бру», – подражая лязгу приближающихся танков.

Шнейдер вдруг понял и закивал головой, а Сарка звонко рассмеялась, но тут же умолкла, и личико ее сделалось очень серьезным. Шнейдеру теперь было ясно, что Надъварад – это какой-то город поблизости, а жест девушки не вызывал больше сомнений. Он обернулся и посмотрел в глубину двора, туда, где разгружали одинокий грузовик. Шмиц стоял у кабины водителя и подписывал какие-то бумаги.

– Доктор, – позвал фельдфебель, – сделайте одолжение, подойдите на минутку сюда!

Шмиц кивнул.

Девушка между тем покончила с едой, аккуратно завернула в бумагу остатки хлеба и лука и закупила бутылку.

– Принести вам воды – лошадь напоить? – спросил Шнейдер.

Сарка посмотрела на него непонимающим взглядом.

– Воды, воды – лошадь поить! – сказал он, слегка нагнувшись и пытаясь изобразить пьющую лошадь.

– О йо, – откликнулась Сарка. Глаза ее засветились вдруг каким-то странным ласковым любопытством.

Грузовик тронулся с места и поехал к воротам. Шмиц подошел к фельдфебелю. Они молча смотрели вслед грузовику. Снаружи к воротам подъехала новая автоколонна. Машины остановились, пропуская шедший навстречу грузовик.

– Что там у вас? – спросил Шмиц.

– Она говорит, что русские прорвались у какого-то города, название которого начинается все с того же «Надь».

– Знаю, – отмахнулся Шмиц, – на наших картах этот город называется Гроссвардейн.

– Откуда же вы об этом знаете?

– Слышал ночью по радио.

– Далеко это отсюда?

Шмиц задумчиво смотрел на грузовики, друг за другом въезжавшие во двор.

– Что значит далеко? – вздохнул он. – Теперь на войне нет дальних расстояний – километров сто будет. Кстати, может быть, мы расплатимся с девушкой сигаретами? Прямо сейчас?

Шнейдер поглядел на врача и почувствовал, что краснеет.

– Погодите немного, пусть она еще побудет здесь!

– Дело ваше, – сказал Шмиц и, повернувшись, направился к южному крылу здания...

Он вошел в палату Бауэра как раз в тот момент, когда капитан глухо и негромко произнес: «Белогорша». Шмиц знал, что проверять по часам паузы между одним и другим «Белогорша» нет смысла, – наоборот, по этим интервалам можно проверить любые часы. Присев на край кровати, он механически перелистывал историю болезни и, почти убаюканный звуками этого вновь и вновь повторявшегося слова, мучительно размышлял над тем, как мог возникнуть в искаленном мозгу раненого этот странный ритм, какой непостижимый механизм действовал в этом проломленном и грубо залатанном черепе, заставляя его через равные промежутки времени беспрестанно и монотонно твердить одно и то же слово. А что же происходило в мозгу больного в течение тех пятидесятисекундных интервалов, когда он только дышал и не видел, не слышал, не говорил? Шмиц не знал о нем почти ничего. Много ли узнаешь из истории болезни? Фамилия – Бауэр; время и место рождения – март 1895 года, город Вупперталь. Чин – капитан. Род войск – пехота. Вероисповедание – лютеранин. Гражданская профессия – коммерсант. Что там еще? Местожителство, какой части, прежние ранения, перенесенные заболевания, характер полученного ранения. В жизни этого человека и впрямь не было ничего примечательного. В школе он не блистал ни успехами, ни прилежанием. Впрочем, на второй год он остался только в одном классе, а в его аттестате зрелости было даже три хороших оценки – по географии, гимнастике и английскому языку. На войну он идти не хотел, но пришлось, и в 1915 году он, сам того не желая, был произведен в лейтенанты. Он всегда не прочь был выпить, но знал меру. Поздней он женился и потом за всю жизнь так и не набрался духу, чтобы хоть раз изменить своей благоверной. Даже тогда не мог, когда соблазнительная интрижка напрашивалась сама собой. Не мог, и все тут – совесть не позволяла.

Шмиц чувствовал, что все сведения в истории болезни капитана для него, Шмица, пустой звук, пока он не узнает, почему этот человек повторяет без конца свое «Белогорша» и что кроется за этим словом, но в то же время он отлично понимал, что этого ему никогда не узнать, даже если он просидит здесь целую вечность. И все же он готов был сидеть без конца и снова и снова с нетерпением ждать, когда прозвучит голос раненого.

Шмиц напряженно вслушивался в окружающую его тишину. Вот бултыхнулась в нее, словно камень в воду, «Белогорша» капитана, потом еще и еще раз. Но тишина была сильнее – бездонная, гнетущая тишина. Шмиц медленно встал и тяжело, словно через силу, пошел к двери.

Когда врач ушел, Сарка как-то застенчиво поглядела на Шнейдера и потом вдруг проворным жестом поднесла к губам воображаемый стакан. «Ах да, лошадь напоить надо!» – схватился Шнейдер и быстро зашагал к дому. По дороге его чуть не сбила машина, он еле успел отскочить – элегантный темно-красный лимузин, только что въехавший во двор, шел, правда, не очень быстро, но все же гораздо быстрее, чем положено ездить во дворе госпиталя.

Ловко прошмыгнув среди стоявших санитарных фургонов, лимузин покатил в глубину двора – к квартире директора училища.

На обратном пути Шнейдеру с полным ведром в руках тоже пришлось отскочить в сторону. На этот раз за его спиной тронулись, беспрестанно сигналив, госпитальные машины. В кабине головного грузовика восседал каптенармус – он даже не удостоил Шнейдера взглядом. Шнейдер переждал, пока мимо него прошла длинная автоколонна, и направился к тележке Сарки. На опустевший двор обрушилась давящая тишина. Шнейдер подставил лошаденке ведро с водой и взглянул на девушку. Та указала ему на Шмица, который шел от южного крыла здания. Пройдя мимо них, врач остановился у ворот. Они подошли к нему и все трое долго смотрели вслед грузовикам, удалявшимся в сторону вокзала.

– Знаете, двое санитаров из инфекционного все-таки приволокли оружие, – тихо сказал Шмиц.

– В самом деле? Я и забыл о нем, – отозвался Шнейдер.

Шмиц покачал головой.

– Будьте уверены, оно нам не понадобится. Еще чего не хватало! Пойдемте разберемся. – И, поглядев на девушку, добавил: – Пожалуй, расплатимся с ней сигаретами, пока есть время. Кто знает, как там дальше получится!

Шнейдер кивнул.

– Они, что же, ни одной машины нам не оставили? Мы-то сами как будем отсюда выбираться? – спросил он.

– За нами придет машина, начальник обещал прислать.

Они переглянулись.

– Смотрите-ка, беженцы едут, – сказал врач и махнул рукой в сторону деревни, откуда тянулся длинный обоз.

Телеги медленно проезжали мимо них, усталые, удрученные люди не смотрели в их сторону. Казалось, они вовсе не видят ни обоих военных, ни девушки.

– Они идут издалека, – добавил Шмиц, – поглядите, лошади еле тащатся. Все это ни к чему – таким аллюром от войны не уйдешь.

За их спиной просигналила машина – гудок был резкий, раздраженный, словно грубый окрик. Они медленно разошлись в стороны: врач – налево, Шнейдер с девушкой – направо. Директорский лимузин протиснулся между ними к воротам, но ему тут же пришлось затормозить: он чуть не врезался в одну из телег. Они ясно видели сидевших в машине, словно в кино из первого ряда, когда от экрана мучительно болят глаза. За рулем сидел сам директор училища – его резко очерченное, но отнюдь не энергичное лицо будто окаменело. Рядом с ним громоздились узлы и чемоданы, накрепко привязанные к сиденью. Сзади сидела его красавица жена, тоже неподвижная, как изваяние. Казалось, они твердо решили не смотреть по сторонам. На коленях женщина держала грудного младенца, а старший ее сын – шестилетний мальчуган – сидел рядом с ней, смотрел в окно как ни в чем не бывало, прижав к стеклу свое живое, быстроглазое лицо, и улыбался военным. Лишь несколько минут спустя директорский лимузин поехал дальше: лошади беженцев были измотаны и где-то, далеко впереди, на дороге образовалась пробка. Врач и Шнейдер видели, что директору за рулем явно не по себе, пот лил с него градом, он шурился, нервно мигал. Жена, перегнувшись через сиденье, что-то прошептала ему на ухо. Вокруг было тихо, лишь изредка раздавались голоса беженцев да слышался детский плач. Тут внезапно кто-то хрипло завопил во дворе. Не успели они оглянуться, как мимо пролетел камень, брошенный в машину, но угодил он лишь в палатку, притороченную к крыше. Второй камень оставил глубокую вмятину в кастрюле, привязанной поверх палатки. Глядя на машину, можно было подумать, что директор с семьей отправляется на загородную прогулку. Человек, с воплями бежавший по двору за машиной, был директорский дворник – он жил в двух комнатах при душевой. Он подбежал к самым воротам. С такого близкого расстоя-

яния он бы не промахнулся, но у него под рукой не оказалось камня. Крича и ругаясь, дворник наклонился и стал шарить по земле, но в этот момент телега, преграждавшая путь, проехала, и лимузин, надменно просигналив, тронулся с места. Вслед ему просвистел в воздухе цветочный горшок, но было уже поздно, горшок шлепнулся туда, где только что стояла машина, – на дорожку, аккуратно выложенную мелким голубоватым булыжником. Горшок раскололся – осколки его разлетелись и легли до странности правильным кругом, – в центре круга в земле, еще сохранившей прежнюю форму, невинно алел цветок герани. Потом осыпалась и земля, безжалостно обнажив корни цветка.

Дворник остановился между врачом и фельдфебелем; теперь он не кричал и не ругался, а плакал, по его грязному лицу катились крупные слезы. На него смешно и жалко было смотреть: он стоял согнувшись, судорожно ломая руки; засаленная старая куртка болталась на его плечах, как на вешалке. Но вот из глубины двора донесся женский голос; дворник вздрогнул, повернулся и, все еще плача, поплелся к себе. Посмотрев ему вслед, Сарка тоже пошла к своей тележке. Шнейдер протянул было к ней руки, но она увернулась. Взяв под уздцы лошаденку, она подвела ее к воротам, взобралась на свой ящик и натянула вожжи.

– Пойдите, задержите ее на минутку, – воскликнул вдруг Шмиц, – я сбегая за сигаретами.

Шнейдер взял лошадь под уздцы, Сарка больно хлестнула его кнутом по руке, но он не выпустил поводья. Оглянувшись, он, к изумлению своему, увидел, что Шмиц действительно побежал со всех ног. Шнейдер раньше не мог даже представить его себе бегущим.

Сарка снова замахнулась кнутом, но на этот раз не ударила Шнейдера, а положила кнут рядом с собой на ящик и вдруг улыбнулась ему своей обычной ласковой, но холодноватой улыбкой; изумленный, он подошел совсем близко к тележке, обхватил девушку за талию, осторожно приподнял и поставил на землю рядом с собой. Сарка что-то негромко крикнула своей лошади. Когда Шнейдер прижал девушку к себе, она не вырывалась, но как и прежде, робко и беспокойно глядела по сторонам. Под аркой ворот было полутемно – Шнейдер нежно поцеловал девушку в смуглые щеки, в нос, потом, слегка пригнув ей голову, приподнял завесу черных, прямых волос и поцеловал еще раз в шею у затылка. Тут он вздрогнул, заслышав позади себя шум шагов: Шмиц подошел к тележке и бросил в нее принесенные сигареты. Девушка быстро подняла голову и, заглянув в тележку, увидела лежавшие там красные пачки. Шмиц, не посмотрев в сторону Шнейдера, повернулся и пошел прочь. Сарка покраснела и как-то странно взглянула на Шнейдера: в лицо, но мимо его взгляда, куда-то в висок, потом резко и коротко крикнула что-то своей лошадке и, высвободившись из объятий Шнейдера, снова взобралась на телегу и взяла вожжи. Шнейдер не стал ее больше удерживать. И только когда она отъехала шагов на пятьдесят, он громко окликнул ее. Сарка вздрогнула, но не обернулась и лишь прощальным жестом подняла над головой кнут. Шнейдер медленно направился к дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.